

«В безбрежное море переводной литературы выходит крутобокий колумбийский галион — роман «Сто лет одиночества» в новом, полном переводе с испанского», — возвестила 7 июня 1995 года со страниц «Литературной газеты» переводчик и литературовед, кандидат филологических наук Маргарита Былинкина...

Суть статьи Былинкиной в том, что перевод знаменитого романа Габриэля Гарсия Маркеса якобы из рук вон плох, а потому будто бы срочно необходим перевод новый. Он уже готов, — выполнен, естественно, самой Былинкиной.

Известные переводчики-испанисты уже выразили свое возмущение на страницах «Литературки», но проблема этим не исчерпана. Этот прецедент, грозящий черным переделом переводческой классики, заслуживает более нелицеприятного разговора.

Оговорюсь сразу же, что новый перевод — дело естественное, законное, иногда и желательное: меняется эпоха, с ней речевая стилистика; более качественную версию предлагает признанный мастер. Но в данном случае мотивы, движущие Былинкиной, ничего общего с интересами истинной литературы и заботами о читателе не имеют. Сказать правду о ее целях, и без прикрас — хотя это дело неблагоприятное, — необходимо хотя бы по двум причинам.

Во-первых, в дни повального и беззастенчивого перелета собственности в России акция Былинкиной создает опаснейший прецедент в такой важной сфере интеллектуальной собственности, как переводная литература. Прецедент опасен не столько из-за дефицита совести у некоторых беззастенчивых переводчиков, сколько из-за недостаточной информированности многих новых издателей. Теперь переводы Пастернака, Маршак, Любимова и других можно безнаказанно объявлять слабыми, неточными или устаревшими, потом слегка подправить их — и гешефт литературным деятелям, вступившим в сговор с нечестными редакторами, обеспечен.

А во-вторых, всю правду нужно сказать и потому, что, стремясь добиться своих целей, Былинкина не занимается поношением первых переводчиков «Ста лет одиночества», которые не способны ей возразить, потому что их уже несколько лет как нет в живых. Речь идет о Нине Бутыриной и Валерии Столбове. Оба прошли через Великую Отечественную, Столбов участвовал добровольцем и в гражданской войне в Испании, где был военным переводчиком. Он стал крупным издателем, первооткрывателем многих испаноязычных прозаиков и поэтов, которых отбирал по признаку не их принадлежности компартии и симпатий к Советскому Союзу, как тогда требовали, сколько в меру их таланта. И, наконец, Столбов выпестовал из безвестных тогда, но талантливых молодых людей, которых он щедро привлекал к работе и любовно опекал, многих признанных ныне мастеров перевода.

Поскольку Былинкина затеяла заведомо несправедливое дело, ее статья переполнена домыслами и откровенной ложью...

Почему Гарсия Маркес, не знающий русского языка и никогда не вмешивавшийся в такого рода вопросы, вдруг, как утверждает Былинкина, настоятельно потребовал нового перевода, хотя старый благополучно существует уже четверть века и ни у кого не вызывал нареканий?

Былинкина повествует, что вскоре после выхода романа в Москве писателю сообщил «свою оценку перевода... в целом» колумбиец Педро Клавихо, тогда учившийся, а затем работавший в СССР и «прекрасно владевший русским языком».

В силу моей журналистской, литературной и издательской работы я многие годы знаком с этим журналистом и утверждаю, — никак не умаляя его

Общая разг.
1995-20 июля.
с. 11.

«Сто лет одиночества» и триста строк литературного мародерства

способностей, — что он все-таки не настолько хорошо знает русский (тем более 25 лет назад), чтобы выносить компетентное суждение по столь специфическому вопросу.

Часть правды в статье Былинкиной все же есть. Педро действительно провел расследование по поводу сделанных в романе купюр, касавшихся некоторых, скажем так, наиболее гривузных моментов и сцен. Подтверждаю это, так как встреча Клавихо и Столбова происходила у меня на квартире и при моем участии. Но подтверждаю также, что Клавихо хорошо знал, что сокращения были сделаны не переводчиками, а бдительными литначальниками той поры. Клавихо и Гарсия Маркес, хорошо знавшие нравы издателей в соцстранах, подобное вовсе не удивляло — это вызывало у них лишь ироническую усмешку.

Не имел, насколько мне известно, автор «Ста лет одиночества», — а я не раз беседовал с ним в Москве, Мехико и Гаване, — претензий к переводчикам хотя бы потому, что хорошо знал: Столбову пришлось пробыть в Москве его роман, ибо Гарсия Маркесу некоторые литературные доброты в СССР приклеили ярлык сомнительного автора, антисоветчика и «ревизиониста».

Причем среди тех, кто создавал писателю такую репутацию, была, в частности, и Былинкина.

Былинкина утверждает, будто бы Гарсия Маркес, увидев «зияющие пустоты купюр» в русском тексте своего романа в начале 70-х годов, «разом прекратил всякие отношения с официальными представителями советской печати и культуры», а также «объявил, что впредь лишает советские издательства права публиковать его произведения».

Хотя писатель, будучи человеком левых взглядов, не скрывал (впрочем, и не афишировал особо) свое критическое отношение к «социализму» в его брежневском варианте, он не раз приезжал в Москву после 1970 года, задолго до начала перестройки. Кстати, по приглашению такой советской организации, как Союз кинематографистов СССР.

По поводу «отказа от контактов с представителями советской печати и культуры»... Один лишь пример. Летом 1979 года Гарсия Маркес провел почти целый день в редакции журнала «Латинская Америка», подробно беседовал там с советскими латиноамериканцами. Тех, кто усомнится в моих словах, отсылаю к журналу «Латинская Америка» № 1 за 1980 год — там опубликован текст той трехчасовой пресс-конференции.

Утверждения Былинкиной относительно «запрета» на публикации произведений Гарсия Маркеса в СССР... Не было такой принципиальной установки у писателя. Свидетельство тому — данное им лично тому же журналу «Латинская Америка» право на перевод и публикацию ряда своих произведений, вышедших на страницах журнала в 80–90-х годах. Правда, надо отметить, что другие советские издательства действительно ни разу не получили разрешения на публикацию произведений писателя, вышедших после подписания конвенции 1973 года. Былинкина утверждает, что это произошло из-за перевода «Ста лет одиночества».

Но причина того, что после «Осени патриарха» не печатались крупные произведения писателя, была совсем другая. И Былинкиной она не может не быть известной.

А дело в том, что сам Гарсия Маркес не вникал в распоряжение своими авторскими правами —

этим всецело ведала его литературный агент Кармен Бальсельс, ставшая легендой в издательских кругах всего мира.

Используя как рычаг ошеломляющий коммерческий успех Гарсия Маркеса, Кармен — женщина с железной волей и великолепной деловой хваткой — вынудила издателей платить всем своим подопечным (крупным испаноязычным литераторам) гораздо более высокие гонорары, нежели прежде. Она отказывала советским издательствам в праве на издание Гарсия Маркеса, требуя от них выплаты тех же гонораров, что и от всех других издателей. Но когда я рассуждал после переговоров с Бальсельс в Барселоне, где я был ее гостем, о ее доводах, Кармен — и заодно Гарсия Маркес — дружно клеймили уже не только как «ревизионистов», но и как презренных «врачей»!

Не припомню, чтобы Кармен хоть раз упомянула в наших подробных разговорах о каких-либо условиях относительно русского перевода «Ста лет одиночества». Да и не могла это сделать, ибо единственной проблемой были злополучные купюры, а со временем этот вопрос утратил свою остроту, ибо пробыли были восстановлены.

Былинкина признает это в лукавой форме: «Позже самые крупные текстовые лакуны, — пишет она, — были припорошены сухой листвой так называемого «редакционного перевода».

В любом случае отметим, что ради заполнения злополучных сокращений, — а их всего-то наберется несколько страниц, — вовсе нет нужды заново переводить весь роман.

Не могу не коснуться еще одного откровения Былинкиной, от которого прямо оторопь берет. Она сообщает, что еще в 1970 году именно ей в редакции «Иностранной литературы» предложили первой переводить «Сто лет одиночества».

Что же было дальше? Цитирую — текст того стоит:

«Я взвесила книгу на руке, полистала, поглядела на дочерна слитый, без диалогов текст — и отказалась. То ли мои плановые работы в академическом институте Латинской Америки затуманили мне мозги, то ли на сей раз подвело чутье... — не знаю. Так или иначе, но я вернула книгу Гарсия Маркеса в редакцию, не удосужившись даже прочитать ее».

Но не так тут все просто, как признается Былинкина. «Чутье» у нее было — но на другое. Был расчет: Гарсия Маркес в СССР тогда не только был малоизвестен, но имел в глазах властей дурную политическую репутацию — при таких условиях перевод в «Иностранной литературе» имел ничтожные шансы на то, чтобы затем быть изданным отдельной книгой. Мало кто мог предвидеть тогда бешеный успех романа в СССР, за которым, вопреки сопротивлению агитпропа и недоброжелателей-энтузиастов, последовали многочисленные переиздания.

Такова истинная причина того, что Былинкина отказалась от перевода.

А Бутырина со Столбовым — не отказались. Чутье у них было на истинно талантливое, а не на меркантильно выгодное. Тем не менее в саморазоблачительном «потоке сознания» Былинкиной, перефразируя фразу из «Гамлета», есть своя логика. Она настаивает: «В этой очереди я первой стояла», а потому за ней — преимущественное право на новый перевод.

Почему же Былинкина, не бывшая в числе друзей и почитателей Гарсия Маркеса, ныне не останавливается перед «дочерна слитым, без диалогов текстом»? Вот ее объяснение — прочитайте, и вы лишний раз убедитесь, как правы французы,

утверждая, что «человек — это стиль»:

«...Неожиданным, если не мистическим образом это великолепное произведение снова оказалось у меня на столе... Ремедиос Прекрасная опять бросает с небес мне в подол эту вещь — будто продолжение всех чудес «Ста лет одиночества», — и я не только не отказалась, но с увлечением, даже с азартом взялась за дело, так как успела сопоставить удивительно интересный оригинальный материал с на удивление неадекватным его переводом».

При чем тут мистика, Ремедиос Прекрасная, чудеса «Ста лет одиночества» и подол Былинкиной? Ведь прямо тут же, с ходу, она безо всякой мистики раскрывает тайны своей кухни: «Гарсия Маркес, узнав об интересе, проявленном российско-британским издательством «Тройка» к публикации его произведений, выдвинул непереносимое условие: уступка им своих авторских прав должна предвостановляться изданием в России романа «Сто лет одиночества» в новом, исправленном и абсолютном полном переводе».

Намерение «Тройки» опубликовать Гарсия Маркеса можно лишь приветствовать. Однако, сдается мне, учитывая все вышеизложенное, что все остальное едва ли исходит от издательства. Иначе зачем так путано формулировать эти сомнительные «условия», что и не поймешь — чего же на самом деле Гарсия Маркес требует:

- нового перевода;
- исправления старого;
- опубликования полного текста?

А может, ничего он вовсе и не требует? Нелишне было бы проверить — это всегда можно сделать.

Теперь остается показать, что готовит нам Былинкина, с неистовством топца при этом своих предшественников. Среди ее обвинений в их адрес не только «удивительно неадекватный перевод», но и «домотканное полотно» (видимо, намек на то, что творческая пара Бутырина — Столбов была и парой супружеской), «выспренность или нарочитая закрученность многих фраз», «алпаповатые выражения» — причем, как утверждает Былинкина, «на каждой странице».

Приводится лишь один пример неточности в старом переводе, но и тот ничтожный. Упор делается на общие рассуждения о необходимости «передать музыкальность» речи автора и т.д.

Вы такие «недостатки» в старом переводе замечали, дорогие читатели? Я — нет. А Былинкина замечала. Правда, почему-то 25 лет спустя.

Что касается конкретных примеров якобы плохого перевода Бутыриной и Столбова и предлагаемых замен, то, как сейчас любят выражаться модные прозаики, это — нечто.

Цитирую несколько образцов «сочной» былинкинской прозы: «В сцене, где продающие себя с голоду неискушенные девочки впервые приступили к своему занятию, они почему-то деловито рассуждают (гл.19): «Ну и ну, глядите, как потолок осыпается». У автора (в версии Былинкиной, естественно), кратко и зримо: «Ой-ой-ой, потолок обрушился!» В старом переводе: «Он хотел умереть с ней, в ее объятьях». У Былинкиной: «Он хотел умереть с ней, на ней, под ней». Вместо «Офицер глядел на него, не видя его» — «Военные узрели его, но не заметили»... Такой вот «улучшенный» перевод Гарсия Маркеса нам предлагается. Цитировать дальше нет мочи. Так и хочется сказать: «Ой-ой-ой! Что же это на нас обрушится!»

Итак, что же принесет нам в подол эта мастирица перевода?

Не знаю, как вы, читатель, а я, наблюдая за тем, как в безбрежное море русской переводной литературы выплывает сработанный топором Былинкиной «крутобокий колумбийский галион», вспоминаю не столько Гарсия Маркеса, сколько незабвенные строки другого, русского классика:

Бывали хуже времена,
Но не было подлей...

